

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882.09

Л.Б. Менглинова

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ МИФ В САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.А. БУЛГАКОВА

Эпоха XX века, эпоха войн, революций и утверждения атеистического тоталитарного государства, воспринималась как период апокалиптической катастрофы писателями, связанными с христианской культурой. Наблюдая за ходом исторических событий, художники усматривали в них признаки приближения «последних дней». В русском духовном сознании, открытом мистическим влиянием, приближение апокалиптических катаклизмов традиционно было сопряжено с предчувствием антихриста, знаменующего действие «тайны беззакония» и максимальное умножение зла в мире. В отличие от православия, католическая апокалиптика предельно остро переживает предумыслы духа зла, дьявола. Сопоставляя эсхатологические пророчества Священного Писания с текущими событиями и отождествляя современность с апокалипсисом, часть русских писателей стремилась дать философскую оценку социальным коллизиям с позиции христианского идеала и утвердить христианство как спасительную систему жизни и миропонимания, связанную с самыми глубокими основами бытия. Художественная апология христианства раздвигала эстетические рамки литературы, возвращая ей богословско-философское содержание.

Широкая панорама национальной трагедии 1920-30-х годов раскрывается в творчестве М.А. Булгакова. По нашему мнению, проза и драматургия Булгакова несут черты христианского откровения и представляют собой страницы русского апокалипсиса XX в., запечатлевшие конкретно-исторические коллизии как этапы всемирно-исторической трагедии. Произведения Булгакова обличают, учат, пророчат грядущее особым символическим языком, насыщенным памфлетными и универсальными ассоциациями. Все его знаковые творения содержат парадигму христианского апокалиптического мифа и включают в себя метасюжет мировой драмы грехопадения – жертвоприношения – возмездия (искупления).

В «Белой гвардии» и тематически примыкающих к роману рассказах «Красная корона», «В ночь на 3-е число», «Киев-Город», пьесах «Дни Турбиных», «Бег» показана завязка русского грехопадения: отступление от христианских идеалов и выход на историческую арену природной звериной стихии, приводящей к пагубе культуры и жизни. Дальнейший процесс духовного падения

национации, связанный с субSTITУЦИЕЙ христианской религии на атеистическую и утверждением pragMATИЧЕСКОЙ советской культуры с ее эгалитарно-энтропийными интенциями, раскрывается в гротескных повестях «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Похождения Чичикова», «Собачье сердце», комедиях «Зойкина квартира», «Багровый остров», а также в рассказах и фельетонах 1920-х гг.

В поисках наиболее адекватного отражения современной действительности Булгаков обращается к принципам художественной условности, гротеска. Синтезируя традиции мировой культуры, Булгаков создает новаторскую социально-философскую сатиру. «Роковые яйца» и «Собачье сердце» явились плодотворным художественным экспериментом, максимально проявившим сатирический талант писателя. В этих произведениях автору удалось создать новый структурный тип гротеска, сопряженного с мифопоэтикой и обладающего универсальными аналитическими функциями, способностью выявить современные коллизии в бытийном масштабе. Повесть «Роковые яйца» представляет собой антиномичное сочетание утопии и антиутопии, в которое автор ввел памфлетно-пародийное и универсально-символическое начало.

Фантастическая история о дьявольских чудесах в советской стране, о появлении в результате революционных научных экспериментов чудо-вищных гадов, служит экспериментом анализа общественной жизни, ее процессов и тенденций.

Гротеская ситуация повести раскрывает романский конфликт современной автору действительности – революционную переделку жизни и внедрение обезбоженной революционно-прагматической философии существования. Лживая и утопическая доктрина революционного созидания социальной пользы внедряется государством как норма жизни. С точностью хроника отмечая кампании антирелигиозной борьбы и следующие за ними смерти священнослужителей, фиксируя широкомасштабный процесс переименований, а также насаждения красной символики и революционной эмблематики во все сферы социокультурного существования, автор акцентирует, что революционное государство, охваченное материализмом и прагматизмом, находится не только в атмосфере борьбы с человеком, но в состоянии имяборчества, иконоборчества, а следовательно, и богоборче-

ства. Не случайно храм Христа Спасителя, вокруг которого происходит бешеная круговерть фантастической истории, уподобляется православному воину, одетому в пылающий шлем. Революционная идеология и революционный образ жизни вытесняют христианство и органически связанный с ним национально-культурный уклад по всей территории страны Советов. Русская жизнь уподобляется урбанистическим образцам западной технократической цивилизации. Технически оснащенная Москва 1928 года с пятнадцатиэтажными небоскребами, кричащей световой рекламой и каскадом увеселительных заведений несет приметы и американского мегаполиса, и пылающего Парижа. И эти маркировки указывают на западные истоки революционной идеи земного рая.

Но автор разоблачает губительный характер пришедшей с Запада концепции социального благоденствия. Вытесняющая христианство и претендующая быть новой религией и новой философией существования, утилитарная идея земного счастья разрушает абсолютные ценности, онтологические основы жизни. Отказ от божественных принципов существования ведет к духовной деградации человека и создает разрушительную, духовно-деформированную культуру и агрессивное общество с перевернутой ценностной и социальной иерархией. У власти в Республике Советов оказываются невежи, авантюристы и приспособленцы. Они управляют государством (деятельность Рокка санкционирована Кремлем), хозяйством, культурой. Они формируют духовное сознание нации и руководят ее творческой деятельностью. Охваченное революционным неистовством, новое общество предстает как духовно деградирующее.

В «Роковых яйцах» Булгаков убедительно показывает, что революционно- pragmaticальная философия жизни, отрывая человека от национальных, религиозно-культурных корней, пробуждает в нем звериную стихию и формирует опасный социальный тип, роковую человеческую породу, новых варваров. Автор видит в революционерах диких людей, чрезвычайно похожих на дарвиновских обезьян, но в новом интернационально-историческом обличье. И об этом ярко свидетельствуют и фигура Рокка, и гидра Конной Армии, и неистовые людские толпы, объятые стихией ненависти. Движимые инстинктами захвата, насилия и борьбы, революционные варвары ради собственной пользы готовы истребить и человека, и культуру, и отчество, и жизнь на земле.

Повестью «Роковые яйца» Булгаков вступил в полемику с революционной концепцией социокультурного созидания, которая утверждалась в современной советской России как государственная спасительная программа. Насыщая повествование конкретно-историческими аллюзиями, писатель стимулировал ассоциации читателя с современной революционной действительностью 1920-х годов и придавал сатирической утопии

памфлетный характер. В результате условность утопической реальности рассекречивалась, и созданный с помощью научно-фантастического предположения вымышенный мир приобретал вполне конкретную сатиру на экзистенциальную доктрину революционного преображения России и властных носителей революционизма, направляющих развитие страны в губительное русло.

Но М. Булгаков не ограничивается памфетным анализом современности. Он стремится дать оценку современной эпохи с позиций христианского идеала и показать ее в контексте всемирного бытия. Социально-исторические коллизии обретают универсальное звучание благодаря символике апокалиптического мифа о явлении зверя-антихриста, прступающей в сюжете повести. Природно-космический хронопотоп, (последовательное чередование суточного и годового времени) раздвигает социальные коллизии до вселенского масштаба. А христианская драма испытания человека чудом сообщает фантастической истории всемирно-исторический характер.

Необычайные перипетии утопического социума развиваются в течение года, от весны 1928 до весны 1929 года. В это время в Республике Советов разыгрывается история, являющаяся пародийным аналогом истории священной, и состоящая из следующих этапов: столкновения человека с чудом – грехопадения – жертвоприношения – возмездия (искупления) – воскресения к новой жизни. Советская страна, возникшая из пучин гражданской войны и потопной катастрофы 1917 года («открытого моря войны и революции») испытывает дьявольским чудом. Первые шесть глав повести, в которых происходит столкновение общества с чудовищным событием, лучом жизни и куриным мором, раскрывают процесс национального грехопадения, хронологически протекающий от праздника Пасхи до Пятидесятницы (16 апреля – июнь 1928 года). Отступление от веры в Христа и соблазн революционной идеей творения нового мира – природного и социального – захватывает общество и ведет к пробуждению метафизического зла, дьявольской стихии во всем бытии. Бесовщина охватывает не только социальный, но и природно-космический мир советской России, направляя ее в состояние катастрофического оборотничества. Богоотступничество и разгул бесовщины стимулируют рождение чудовищного зверя-антихриста. В момент праздника Пятидесятницы на арену фантастической истории выходят два зверя – зверь мирового тоталитарного государства и человек-зверь (Рокк), в которых максимально воплощается обезображеный революционный дух. В новой государственной системе жизни, в обезображенном социокультурном бытии Республики Советов Булгаков прозревал вырастающего апокалиптического зверя, красного дракона. Отождествляя красную Москву 1928 года, презентирующую модель революционного

государства, с апокалиптическим зверем, а революционеров с драконолюдьми, автор подчеркивал, что революционная идеология является звериной, греховной и губительной. Она превращает жизнь в мучительный ад, несет смерть человеку, культуре и жизни.

Возвращение в историю змея символизировало наступление Страшного Суда, конца исторической эпохи, утратившей креативный потенциал.

В «Роковых яйцах» апокалиптический миф корелирует с синкретическим мифом о поклонении богу Тоту-Гермесу. Наличие парадигмы египетского мифа позволяло увидеть языческие истоки революционно-коммунистической доктрины, а в советском культе революционера-теоретика, революционера-практика и революционного народа, проявление языческого идолопоклонства.

Повесть «Собачье сердце» наиболее полно отразила религиозно-философский конфликт интеллигенции и народа, лежащий в основе русской национальной трагедии. Коллизия между профессором Преображенским и новоявленным пролетарием Шариковым отражают конфликт двух антагонистических типов сознания: европейского, гуманистического и революционно-коммунистического, антигуманистического типа. В значительной мере с помощью фигуры Шарикова Булгаков эксплицировал характер коммунистической идеи и выявил ее историософские истоки.

Шариков выступает антагонистом Преображенского. Он является новым, искусственно сfabрикованным существом, с совершенно иным психофизиологическим обликом. Это человек, стоящий «на самой низшей ступени развития».

Но так же, как и Преображенский, Полиграф Полиграфович демонстрирует свою мировоззренческую позицию. Фантастически быстро усвоенная и открыто декларируемая Шариковым концепция бытия является отражением материалистической социально-экономической доктрины. Если Преображенский сводил закономерности человеческого развития к законам биологического детерминизма, то Шариков все общественные явления истолковывает экономическими факторами, полагая, что все в мире обусловлено несправедливыми экономическими законами, а общество состоит из враждебных социальных категорий (буржуазии и пролетариата). Будучи сторонником экономического материализма и охваченный пафосом радикального усовершенствования бытия, Шариков утверждает революционную философию жизни. Главным смыслом собственного существования он считает создание личного блага путем насилиственного захвата и перераспределения продуктов чужого труда и имущества: «Взять все, да и поделить... дело не хитрое. А то что ж: один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет» [1, с.183-184]. Достижение социального блага, в процессе которого созидательные прин-

ципы вытесняются потребительскими принципами уравнения и распределения, осознается Шариковым как защита пролетарского интереса на основе классовой борьбы.

Пролетарий Шариков отражает новый тип революционного сознания, генетически связанного с современной и русской материалистической философией 60-х гг. XIX в. (Шариков не зря называет шестидесятника Преображенского папашей), а также с западноевропейским экономическим материализмом Маркса, Энгельса, Каутского.

В значительной мере фантасмагорический гомункул представляет тот «призрак коммунизма», грядущую победу которого прославляли основоположники революционного учения в знаменитом «Манифесте Коммунистической партии». Внимательно взглянувшись в историческое развитие, Булгаков художественно воплотил основное пророчество «Манифеста» о рождении грозного пролетариата-гегемона, «могильщика буржуазии». По иронии судьбы «призрак коммунизма», «побродив по Европе», появился в России и материализовался в русских пролетариях, демонстрирующих всему миру практическую реализацию погромной революционной идеи. Как показывает Булгаков, русская революционно-коммунистическая философия унаследовала от предшествующей гуманистической культуры материалистический, утилитарно-прагматический характер, а также идеи радикального преобразования человека и общества, но отвергла ее гуманистические идеалы. Вследствие этого Шариков является и критиком Энгельса («Да не согласен я <...> пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... голова пухнет!» [1. С.183], и его приверженцем («Взять все, да поделить...» [1. С.183]). Раскрывая революционную идею как продукт сознания человека-зверя, Булгаков стремился обнажить ее противоестественную для человеческой жизни звериную суть. Но гротескный образ Шарикова обнажал не только антигуманизм революционной философии, будившей в человеке звериные инстинкты ненависти и захвата, но и ее лживость и обман. Революционная демагогия о пролетарском интересе и пролетарском праве, провозглашаемая Шариковым, являлась, по существу, идеологическим прикрытием всех эгоистических устремлений человека, связанных с удовлетворением корыстных вожделений и интересов.

Расширяя круг действующих лиц повести и вовлекая в орбиту фантастического испытания различные социальные слои, Булгаков воссоздает такое общественное устройство, в котором доминирующей оказывается радикально-утопическая, антигуманистическая идеология. Ее утверждает не только аномальный гомункул, но и Шондер, и руководство домкомов, и все представители советской власти.

Революционный соблазн, охвативший нацию, осознается Булгаковым как чудовищная болезнь национального духа. Именно поэтому история

становления сознания Шарикова называется «историей болезни», а сама повесть о фантастической революционной истории в советской стране носит подзаголовок «чудовищная история».

Повесть «Собачье сердце» отличает философский универсализм. Булгаков раскрывает противоречие современности в контексте всемирно-исторического бытия. Универсализация современных коллизий создается писателем с помощью парадигмы христианского апокалиптического мифа. Повествование «Собачьего сердца» развивается по драматургическому принципу и включает в себя архетип мировой драмы грехопадения – жертвоприношения – возмездия (искупления). Испытания людей фантастическим существом протекают в период праздника Рождества Христова. Каждый этап праздника является определенной вехой всемирно-исторической драмы. Завязка драмы начинается в последнюю декаду Рождественского (или Филиппова) Поста. Именно в это время происходит столкновение с фантастическим псом и начинается подготовка к рождению нового человека. Гротескная ситуация раскрывает широкую панораму русского грехопадения: оскудение веры и любви, враждебность, разгул оргиастических инстинктов, голод, мор, мерзость запустения и т. п. Грех поразил ум, чувства и волю нации, ибо духовные лидеры (интеллигенция) поглощены утопическими экспериментами, обыватели озабочены чувственными наслаждениями, а сила, способная противостоять антикультурной народной стихии, в советском обществе еще не окрепла.

Кульминацией драмы является сорокадневный цикл рождественских праздников, связанных с пришествием Спасителя в мир. (Кульминация обрамлена дневником доктора Борменталя). Скрепляющими вехами рождественского цикла являются шесть праздников, внутренне связанных между собой особым отношением к таинству рождения. 22 декабря 1924 года символизирует преждевременное навечерие Рождества Христова (сочельник). В этот день подготовка к празднику рождения чуда достигает наивысшей степени. Начало дневника доктора Борменталя констатирует наивысшую готовность Шарика и врачей к операции. 23 декабря – день жертвоприношения невинного Шарика и рождения чудо-человека. Рождение происходит искусственным путем не 25 декабря, в день Рождества Христова, а на два дня раньше. Восьмой день со дня Рождения Спасителя – это день обрезания и наречения имени, символизирующих очищение от грехов и служение Богу. Искусственный чудо-младенец произносит свое космическое имя на девятый день от своего рождения. 31 декабря «в 12 часов 12 минут пес отчетливо пролаял слово – «А-б-ыр!» [1. С.160]. Рыба – космический символ Иисуса Христа. Греческое слово *ichtys*, рыба, еще в раннем христианстве являлось криптограммой Христа и расшифровывалось как «Иисус Христос, Божий Сын, Спаси-

тель» [2, с.393]. Следовательно, «а-б-ыр», то есть рыба наоборот, означает противника Христа, антисхриста, губителя. Главный противник Христа настойчиво провозглашает свое чудовищное явление: «1 января 1925 г. ...отчетливо лает «Абыр», повторяя это слово громко и как бы радостно. В 3 часа дня... засмеялся, вызвав обморок горничной Зины. Вечером произнес 8 раз подряд слово «Абыр-валг», «Абыр» ([1, с.160]. 6 января – Великий праздник Крещения Господня, Просвещения, Богоявления. Крещение Господне означает торжественное вступление Иисуса Христа на служение роду человеческому. Это – явление чуда в трех ипостасях, Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа. Именно 6 января Шарик вочеловечился, у него отвалился хвост, он произнес слово «пивная» и стал расхаживать по квартире, положив тем самым начало губительному распространению злого духа, темного сознания. 7 января празднуется Собор Предтечи и Крестителя, как послужившего таинству Божественного Крещения. Именно в этот день искусственный человек вспоминает предтечу своего духа. «Он произносит много слов: «Извозчик», «Мест нету», «Вечерняя газета», «Лучший подарок детям» и все бранные слова, которые только существуют в русском лексиконе [1, с.161]. И, наконец, в сороковой день от Рождества Христова Церковь вспоминает, как Христос приносится в церковь законную (Иерусалимский храм). В событии принесения Богомладенца в храм Иерусалимский произошла встреча (сретение) двух заветов, Ветхого и Нового Завета. Примерно на сороковой день от своего рождения (конец января) человеко-зверь встречается с домкомом, Швондером и требует выдачи документа в защиту своего «революционного» интереса. Этот день знаменует встречу, сретение, ветхого, звериного сознания и нового, революционного, послужившего идеологическим оправданием звериных инстинктов. С празднованием Сретения заканчивается рождественский цикл праздников. Последний этап космической драмы протекает в феврале-марте, в промежутке между праздником Сретения и Благовещения. В это время Шариков выходит в мир, и его бурная разрушительная деятельность является возмездием прародителю, и продолжается она до насильственной смерти Шарикова. В канун Благовещения завершается космическая драма, происходит обратное преображение, Шариков исчезает, превращаясь в пса-дворнягу, свою первоначальную естественную ипостась.

Парадигма христианского мифа позволяет трактовать современную историю как аналог священной истории, но аналог пародийный, так как в отличие от священной драмы о рождении Спасителя в ней разыгрывалась трагикомическая драма о рождении антисхриста, губителя. Это означало, что в масштабе всемирно-исторического бытия советская эпоха 20-х годов воспринималась автором «Собачьего сердца» как вселенская дьяволиа-

да, Апокалипсис, который вызван не просто случайной сменой социально-исторических сил, но именно сменой религиозно-философских ориентаций, вытеснением христианства и государственным узакониванием революционно-коммунистической, языческой религии, приводящей к национальному геноциду. Возникшее вместо России советское государство отождествлялось Булгаковым с дьявольским царством Зверя-антихриста.

По мнению Булгакова, в коммунистической религии, аккумулировавшей мировое язычество, проявляется доминирование восточного начала. Актуализация восточного язычества в революционной ментальности и советской культуре 1920-х годов акцентируется Булгаковым с помощью синcretического, преломившегося через греческую традицию, египетского мифа о поклонении богу Анубису-Осирису, который сопряжен в повести с мифом апокалиптическим. В коммунистической религии, обоготворяющей пролетариат, а с 1924 г. мертвого пролетарского вождя, писатель увидел за внешней революционной символикой проявление восточного идолопоклонства, сходного с египетским поклонением Анубису и Осирису. Сопоставляя древнюю религию и современную, Булгаков акцентировал их сходство и в динамике исторического развития. Как в древнем Египте кульп мертвого царя-фараона вытеснил кульпы номовых богов, так и в советской России кульп мертвого советского фараона и поклонение набальзамированной мумии Ленина становится доминирующими, вытесняет поклонение пролетариату и влечет за собой кульп живого властителя. Сопряженная с социально-историческим хронотопом 1920-х годов, парадигма египетского мифа в повести «Собачье сердце» указывала на изоморфность эсхатологии коммунистической и египетской религии, а также сходство революционного культа с осирискими мистериями. В результате становилось очевидным, что в революционном стремлении создать насильтвенным способом идеального человека и идеальное общество повторяется древняя религиозная идея об обретении счастья и бессмертия на основе магического жертвоприношения. Но Булгаков проницательно заметил, что советская Россия создает «Египет наоборот», стремясь реализовать египетский религиозный идеал в конкретно-исторической действительности. В коммунистической религиозной доктрине идеальное

существование предполагается не в потустороннем мире вечности, для сохранения которого сооружались гробницы, а в реальном историческом бытии. С помощью магического террора советское государство пытается построить идеальный новый мир здесь и теперь, превращая жизнь в ад, а Россию в царство мертвых. Государственное санкционирование коммунистической доктрины и законодательное утверждение классовой борьбы с врагом во имя пролетариата и мертвого вождя способствовало сакрализации революционной идеи, революционного слова, любого революционера, революционной партии и революционного государства. Постепенно превращающийся в культовое деяние (а точнее злодеяние) террор утверждался как магическая сила, надежная ладья, которая обязательно доставит в рай человека, совершившего жертвоприношение, а революционная фразеология и революционное имя превращались в заклятия, магические формулы (в египетской мифологии «слово власти»), помогающие приобщиться к благоденству земных богов или сразить врага.

В рождении ленинизма и обоготовлении Ленина Булгаков своим духовным зрением увидел воскрешение египетских мифов (хотя и в значительной степени секуляризованных), а в советских ритуалах – реставрацию разнообразных типов оккультизма. Идентифицируя коммунистическую мифологию 1920-х годов с египетской, художник показывал, что Россия, отказавшись от христианства, возвращается в дохристианскую эпоху, «к берегам Нила». Но так как большевистская идеология максимально вобрала в себя теневую сторону египетских верований и черную магию погребальных культов, советская страна устремляется в тьму египетскую, в хаос и смерть. Революционный путь развития эксплицируется писателем как путь духовной, социокультурной деградации русской нации. Раскрывая апокалиптический этап русской истории XX века и художественным словом пробуждая самосознание нации, Булгаков верил в духовное оздоровление народа, преодоление революционного соблазна и освобождение России из плена языческого. В противовес революционно-утопическому экспериментаторству, сатира Булгакова утверждает христианско-гуманистическую концепцию духовного преображения человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М.А. Собр.соч.: В 5 т. М., 1989. Т.2.
2. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. М., 1982. Т.2.

Автор статьи:

Менглинова

Лидия Борисовна

-канд. филол. наук, доц. каф. общего
литературоведения Томского госу-
дарственного университета